

Предисловие

В настоящей книге содержится подготовленная к защите докторская диссертация Виталия Владимировича Захарова. Осуществить защиту ему не позволила внезапная кончина 16 декабря 1980 года.

В. В. Захаров родился 30 декабря 1932 г. в Одессе. Его отец Альвайль З. А. — профессор Одесского института связи, преподаватель истории культуры и немецкого языка был репрессирован в 1933 г. и в 1937 г. по решению особой тройки УНКВД расстрелян в урочище Сандормох Архангельской области, реабилитирован в 1959 г. Отчим Захаров В. А. — инженер-электрик.

Виталий Захаров с 1940 по 1950 гг. учился в 311-й и 321-й школах Фрунзенского района гор. Ленинграда, затем поступил и закончил с отличием филологический факультет ЛГУ им. Жданова в 1956 г., а также аспирантуру по кафедре зарубежных литератур этого факультета ЛГУ в 1961 году с защитой кандидатской диссертации на тему «Романы Джорджа Мередита 1870-х годов». Талантливому и творческому человеку, но сыну «врага народа», был предопределен извилистый путь в трудоустройстве.

Виталий Владимирович работал преподавателем английского языка:

— в Ленинградском военно-морском Нахимовском училище (1956—1958 гг.),

— в Институте усовершенствования учителей гор. Ленинграда (1957—1961),

— в Монгольском государственном университете им. Чойбалсана по командировке Министерства высшего образования СССР (1961—1962),

— в Ленинградском институте советской торговли им. Энгельса (1964—1965).

Он был деканом и ст. преподавателем факультета иностранных языков Новгородского педагогического института (1962—1964) и заведующим кафедрой иностранных языков:

— в Ленинградской лесотехнической академии им. Кирова (1965—1980),

— в Ленинградском институте культуры им. Н. Крупской (1980).

В. В. Захаров постоянно выполнял большую общественную работу:

— с 1959 г. сотрудничал и был членом правления Ленинградского отделения общества «СССР—Великобритания»,

— с 1965 г. зам. председателя Ленинградского городского методического объединения преподавателей иностранных языков,

— зам. председателя Ленинградского отделения Шекспировской комиссии АН СССР,

— член Научно-Методического Совета по иностранным языкам Минвуза РСФСР.

Виталий Владимирович выполнял плодотворную работу по созданию лаборатории устной речи на иностранных языках с применением технических средств обучения и контроля знаний, разрабатывал методическую литературу по совершенствованию практики преподавания иностранных языков в высшей школе.

В конце данной книги представлен список печатных научных работ Виталия Владимировича в издательствах «Вопросы литературы», «Наука», ЛГУ и др. (60 п. л.). Следует отметить дополнительно, что, во время годичной командировки в Монголию, им (в соавторстве 15 страниц) был издан в Улан-Баторе исторический очерк о Монгольском государственном университете на русском, монгольском и английском языках.

Увлеченность профессией, глубокие знания и огромное трудолюбие, характерные для Виталия Владимировича, а также положительные отзывы с мест работы были известны всем, кто его знал. Последний внушительный труд об английском поэте и его школе не должен остаться дома в столе, возможно, что он найдет своих читателей. Машинописный текст докторской диссертации, полностью подготовленный автором в 1978 году, сканирован родственниками на электронный носитель для книгоиздания.

Л. А. Мухина

Введение

1

Джон Донн (1572–1631) — великий английский поэт, глава так называемой «метафизической» школы поэтов, младший современник Шекспира*. Хотя его стихи почти не печатались при жизни (первый сборник стихотворений вышел посмертно в 1633 г.), а расходились в списках, слава его была громкой уже в юношеские годы: его прозвали английским Овидием. Авторы многочисленных элегий, в которых оплакивалась кончина Донна, именовали его первым поэтом Англии, достойным соперником великих римлян и греков. Однако уже в конце XVII в. начали раздаваться критические голоса, которые объявили Донна и «метафизиков» — Джорджа Герберта, Эндью Марвела, Генри Воэна, Томаса Кэрю, Ричарда Крэшо и других — «поэтами упадка», обвиняли их в том, что они ставили блестящую, но пустую игру «остромыслия» выше жизненной правды и здравого смысла. Суровый приговор, вынесенный «метафизикам» теоретиками классицизма обрек их на забвение. Этот приговор тяготел над ними вплоть до начала XX века.

В XX веке наступил ренессанс «метафизической» школы. Один из современных исследователей Донна остроумно заметил, что «если раньше читать Донна считалось признаком экстравагантного вкуса, то теперь ...это необходимый минимум, без которого интеллигентные люди не смеют вести беседу на литературные темы»¹.

Как видно из сказанного, история восприятия Донна ставит перед исследователем много проблем. Но самая актуальная из них — это проблема непреходящей эстетической ценности поэтического наследия Донна, то есть вопрос о том, что именно делает мысли и чувства, выраженные поэтом в его стихах, созвучными мыслям и чувствам современного читателя.

Другой круг проблем связан с резко бросающимися в глаза, «кричащими» противоречиями Донна. Вот два наиболее характерных примера.

Даже среди современников — гуманистов, людей с необычайно широким кругозором, разносторонних, обладавших поистине энциклопедическими знаниями, Донн выделялся своим глубоким и страстным интересом к науке. Он был в курсе всех новейших достижений в естественных и точных науках: в его письмах,

трактатах и даже в стихотворных произведениях упоминаются открытия Коперника, Галилея, Кеплера, причем из контекста ясно, что Донн прекрасно понимал значение этих открытий, нанесших сокрушительный удар средневековому, религиозно-феодальному представлению о мире и человеке.

Вместе с тем поэзия Донна представляет собой настоящий клад схоластической премудрости. Его стихотворения изобилуют сведениями, почерпнутыми из сочинений «отцов церкви» (в особенности Фомы Аквинского), средневековых мистиков, учителей каббалы, современных ему богословов. Он отлично разбирался во всех тонкостях учения об ангельских чинах. Не менее компетентно, чем знаменитые проповедники или маститые доктора из Оксфорда и Кембриджа вел полемику с иезуитами по деликатному вопросу о том, могут ли католики-англичане оставаться верноподданными своего государя, признавая в то же время римского папу наместником Бога на земле, и т. д. Подобно Шекспиру и многим другим гуманистам, Донн верил в истинность средневекового учения о вселенской иерархии, считал существующий на небе и на земле феодальный порядок целесообразным и вечным и, по всей вероятности, не мог представить ему никакой иной альтернативы. Крах этого порядка он не мог воспринять иначе, как вселенскую катастрофу.

Непоследовательность Джона Донна, который, с одной стороны, жадно впитывал новое знание, а, с другой, не мог отрешиться от старого, всегда смущала донноведов.

Другое противоречие кажется столь же необъяснимым. Сборник «Песни и сонеты», являющийся по общему признанию лучшей частью поэтического наследия Донна, можно условно разделить на два цикла стихотворений, которые как бы отрицают друг друга, так как выражают полярно противоположные взгляды на любовь. В первом из этих циклов поэт предстает в облике циничного эгоиста, не признающего постоянства в любви и высмеивающего высокопарные речи о духовной близости влюбленных. В другом же цикле перед нами Тристан или Ромео, страстный и одновременно целомудренный в любви, не знающий иного счастья, кроме того, какое дает разделенное чувство и жизнь ради подруги. Поскольку в изданиях «Песен и сонетов» XVII в. стихотворения обоих «циклов» никак не размежеваны между собой, а составляют пеструю смесь, позиция автора вызывает недоумение и вот уже в течение многих

десятилетий служит предметом ожесточенных споров между донноведами.

«Загадка» Донна понуждала искать ее решение. В стремлении найти непротиворечивое объяснение его позиции многие исследователи старались совместить несовместимое и ради этой цели не могли устоять перед искушением игнорировать неудобные факты или же дать им превратное, искусственное толкование.

Первый биограф Донна Исаак Уолтон (1593–1683), автор «Искусного рыболова» и жизнеописаний некоторых английских литераторов и богословов, человек набожный и благонамеренный, поступил очень просто. В своем агиографическом жизнеописании Донна (1640) он разделил все его произведения, как стихотворные, так и прозаические, на две части, поставив водоразделом между ними тот момент (кстати говоря, датируемый лишь предположительно), когда Донн отрекся от католичества и перешел в англиканство. Произведения, созданные Донном до обращения, Уолтон объявил легкомысленными и греховными, между тем как все то, что Донн написал, будучи уже в лоне «истинной» церкви (и особенно после того, как в 1615 г. принял посвящение в сан), оказалось, чуть ли не богодухновенным — сочетающим глубокое, истинно христианское содержание с непревзойденным изяществом формы. Так, руководствуясь благим намерением обессмертить имя достойного сына Церкви Англии, Уолтон нанес ощутимый ущерб репутации Донна — поэта: в число безделок, не заслуживающих внимания читателя, попали многие шедевры из «Песен и сонетов», а изъяснения христианских догматов и скучные назидательные эпистолы, составляющие большую часть поздних стихотворений, были, наоборот, отнесены к шедеврам.

Новые попытки разобраться в противоречиях Донна были предприняты в конце XIX — начале XX в. И снова исследователи шли по пути выпрямления, упрощения идейных и эстетических взглядов Донна. Такие видные историки английской литературы, как Э. Госс в своей биографии Донна (1899) и У. Кортхоуп в очерке «метафизического остроумия» в третьем томе «Истории английской поэзии» (1903), создали образ Донна — поэта нового дворянства и буржуазии. Донн стал в их интерпретации прагматиком-макиавеллистом, решительно, без колебаний сбросившим груз средневекового образа мышления.

Напротив, М. Рамзей в монографии «Средневековые учения в творчестве Донна» (1917) и Т. С. Элиот в известной рецензии на

антологию «метафизической» поэзии (1921) выдвинули тезис, что, не смотря на определенное воздействие ренессансных идей, мироощущение Донна оставалось, по сути, мироощущением средневекового человека. Донн, считали они, всерьез не принимал и не мог понять новые открытия и новые идеи. Согласно Элиоту, Донн был последним английским поэтом, в творчестве которого духовное и материальное начала, мысль и чувство находились в органическом единстве.

В последующие десятилетия продолжалось интенсивное изучение творчества Донна. Увидели свет комментированные издания его сочинений; текстологи путем тщательного сличения первых изданий с рукописными списками значительно прояснили донновские тексты и освободили их от искажений и ошибок; были установлены источники большинства его стихотворений и поэм. В настоящее время литература, посвященная Донну, стала практически необозримой: выпущенная в США в 1973 г. аннотированная библиография современных работ о Донне за 55 лет (1912–1967) насчитывает 1280 названий. В 1940 г. был издан «конкорданс» — словарь языка поэзии Донна² — по образцу известных конкордансов творчества Шекспира.

Бросается, однако, в глаза, что в огромной донниане сравнительно немного больших монографических исследований. Наиболее значительные из них — это исследования М. Ругоффа, М. Молони, Э. Симпсон, Дж. Лейшмана, М. Хассана, Д. Гасса, Н. Андреасена и У. Сандерса³. Но даже и эти особо выделенные труды неравноценны с точки зрения целей, которые поставили перед собой их авторы. М. Ругофф, Э. Симпсон, М. Хассан и Д. Гасс, как видно из заглавий их трудов, разрабатывают частные аспекты творчества Донна и не претендуют на создание какой-либо общей концепции. Напротив, монографии Дж. Лейшмана и У. Сандерса, талантливо и увлекательно написанные, носят «всеобъемлющий» характер, хотя жанр популярного очерка исключал, разумеется, углубленное изучение серьезных историко-литературных проблем.

Особняком стоят исследования М. Молони и Н. Андреасена. И тот и другой авторы, анализируя мировоззрение и поэтику Донна, не ограничиваются частными наблюдениями и выводами, а пытаются свести их в систему. Чтобы не повторить ошибки своих чересчур категоричных и прямолинейных предшественников, М. Молони и Н. Андреасен предпочитают путь компромисса.

М. Молони полагает, что образ мыслей Донна не был ни ренессансным, ни средневековым. Что же касается его противоречий, то они проистекают, с одной стороны, из разочарования в томистской доктрине единства духа и плоти, то есть мысли и чувства, а, с другой, из неполного и неохотного признания «ренессансного натурализма, который противопоставил чувство интеллекту и посеял между ними непримиримую вражду»⁴. При всем том, что М. Молони всячески подчеркивает оригинальность и самостоятельность своей точки зрения, нельзя не увидеть в ней своеобразную проекцию идей Т. С. Элиота.

Основной вывод, к которому приходит Н. Андреасен после анализа различных факторов, оказавших влияние на «философию любви» Донна, заключается в том, что Донн по сути дела не был самобытным поэтом, ибо все его новаторство сводилось к введению новых строфических форм и нарушению канонов метрики. Между тем его философия любви заимствована без существенных модификаций из трех источников — лирики Овидия, лирики поэтов-петраркистов и ученых трактатов итальянских и французских неоплатоников.

Труды М. Молони и Н. Андреасена построены на богатом фактическом материале, содержат интересные наблюдения, но в целом они носят эклектический характер, так как исследователи явно не имеют своей главной, «центростремительной» идеи, а пытаются составить ее из фрагментов чужих идей, восходящих к 20–30-м годам.

Советскому читателю поэзия Донна до сих пор, к сожалению, почти не известна. До начала 70-х гг. было переведено всего лишь несколько его стихотворений (О. Румером и С. Маршаком), а в 1973 г. увидел свет сборник лирики Донна в переводе Б. Томашевского⁵, который из-за небольшого объема книги мог вместить только незначительную часть наследия автора «Песен и сонетов». Наконец, в 1977 г. в томе «Европейская поэзия XVII века» Библиотеки всемирной литературы были опубликованы переводы 27 стихотворений Донна, выполненные разными переводчиками.

Советская критическая литература о Донне сводится в основном к немногим небольшим статьям, а также краткой информации о жизни и творчестве поэта в справочных изданиях (типа БСЭ и КЛЭ) и учебных пособиях для вузов по истории зарубежной литературы XVI–XVII вв.⁶

В своей характеристике поэзии Донна А. А. Аникст фактически ограничился указанием на то, что у Джона Донна «проявляет-

ся стремление порвать с традицией поэтического стиля Ренессанса». «Критика, — констатирует дальше исследователь, — с полным правом уподобляет Донна итальянцу Марино и испанцу Гонгоре, которые в поэзии своих стран знаменовали упадок реализма Возрождения и утверждение стиля барокко»⁷. Здесь, однако, остается без ответа весьма существенный вопрос: в чем же все-таки секрет колоссального интереса к Донну в наши дни? Кроме этого, прямолинейное отождествление А. А. Аникстом стиля барокко с «упадком реализма Возрождения» объясняется, по-видимому, недостаточной разработанностью проблемы барокко в то время, когда писался этот очерк английской поэзии середины XVII в.

По мнению Р. М. Самарина, трагедия Донна была трагедией «очень большого английского поэта... надломившегося и замороженного голосом церкви — этой «сирены», которая с новой силой звала к себе тех, кто был потрясен и испуган зрелищем мира, неудержимо ринувшегося вперед... Трагедия Джона Донна была в том, что он, безудержный поэт плоти и дерзкого разума, насмешник, ученый, странник, человек, задуманный «по чертежу» больших людей Ренессанса, отказался от своих возможностей, испугался смелости мысли и чувств, разочаровался в своем представлении о человеке, разуверился в себе, а в целом — не выдержал тех духовных перегрузок, каких было немало в жизни людей его склада, и предпочел новым бурям, которые сулила ему жизнь, весьма почетный компромисс со вновь вспыхнувшей теологической концепцией мира, общества и человека...»⁸.

По прочтении этих строк возникает образ конформиста и филистера, который не вяжется с представлением о «человеке, задуманном «по чертежу» больших людей Ренессанса». Это несоответствие усугубляется еще и тем, что Р. М. Самарин отступает от фактической стороны дела, когда представляет принятие Джоном Донном духовного сана как добровольный акт, как безвыгодную для него сделку с церковью и компромисс с собственной совестью. На самом деле, однако, посвящение в сан совершилось против желания Донна; к этому вынудил его король Яков I, который воспользовался его безвыходным положением человека, фактически подвергнутого ostracismu. Его «Священные сонеты», написанные в период мучительных колебаний, предшествующий посвящению в сан, являются документом огромной художественной силы, ибо выражают протест свободолюбивой личности, воспитанной на идеалах ренессансного гуманизма, против грубого насилия над ее разумом и волей. Ошибочно также говорить, что

Донн «предпочел почетный компромисс со вновь вспыхнувшей теологической концепцией мира», ибо эту концепцию, иначе называемую «великой цепью бытия», Донн разделял всегда, на всех этапах своего становления как поэта и мыслителя, как разделяли ее, впрочем, и другие гуманисты, включая Шекспира. А ее распад, о котором свидетельствовали новейшие научные открытия, был воспринят Донном как наступление хаоса в мире. Отсюда следует, что трагедия Джона Донна имеет иные причины. Чтобы их установить, необходимо анализировать подлинные обстоятельства жизни поэта, а не субъективные представления о них.

Напрашивается, таким образом, вывод: необходимо стремиться к созданию такой общей концепции поэтического творчества Донна, которая давала бы естественное и логическое объяснение его противоречиям, но при этом не сглаживала и тем самым не искажала и не препарировала факты жизни и творчества поэта. Для этого существует только один действенный способ — изучать и толковать указанные факты в их взаимосвязи и в широком контексте эпохи кризиса английского Возрождения.

Литература по самой природе своей есть явление общественное и историческое; она находится в тесной связи с идеологией и мировоззрением, и поэтому генезис и смысл художественного произведения поддаются плодотворному изучению лишь тогда, когда исследователь четко представляет себе эстетические взгляды писателя, его художественную позицию.

Художественная позиция писателя может, разумеется, быть выражена по-разному, прямым или косвенным образом — в литературных манифестах той школы, к которой принадлежит писатель, в его замечаниях по поводу собственных произведений или произведений собратьев по перу, наконец, в самих его произведениях. Исследователь, стоящий перед необходимостью составить представление об эстетических взглядах писателя на основе одних лишь его художественных произведений, ибо не располагает, кроме них, иными документами, находится в затруднительном положении. Ведь естественно, что интерпретация сюжета, ситуаций, образов, бесчисленных ассоциаций, составляющих дух и плоть произведения, не может быть столь же однозначной, как решение математической задачи.

Все это кажется очевидным, и, тем не менее, историку литературы приходится время от времени напоминать себе об этом, так как искушение строить исследование, исходя не из имеющихся

реальных фактов, а из какой-либо предвзятой идеи, иногда оказывается слишком сильным. Чтобы не впасть в субъективизм, избежать нарушения исторической дистанции, анахронизмов, возникающих нередко даже помимо воли исследователя, сына своего века и, естественно, с его понятиями и идеями, необходимо изучать художественное произведение. С одной стороны, во всей сложной взаимосвязи формирующих его компонентов, а с другой, на широком фоне питающей его общественно-исторической среды. Задача исследователя заключается не просто в том, чтобы на основании формальных признаков причислить писателя к тому или иному направлению, а в том, чтобы показать, в чем состоит его самобытность, определить, какое место он занимает в сложной обстановке взаимодействия и борьбы литературных течений своего времени. Именно такой конкретно-исторический подход к литературному явлению позволяет выяснить связь творческого метода художника с тем или иным культурным движением, «великим стилем» эпохи.

Возрождение интереса к Донну в XX веке, споры вокруг проблемы эстетической ценности его произведений для наших современников, фактическое отсутствие серьезных научных трудов о Донне и «метафизической» школе в советском литературоведении, что не позволяет вести принципиальную полемику с западными исследователями Донна, а также оставляет досадную лакуну в курсах истории английской литературы, читаемых в наших высших учебных заведениях, — все это, на мой взгляд, делает весьма своевременной настоящую работу, цель которой была изложена выше.

2

На первый взгляд может показаться, что жизнь Донна, известная нам не хуже, чем, например, жизнь Байрона или Шелли, поэтов, значительно более близких нам по времени. В самом деле, мы располагаем подробной биографией Донна, которую написал Уолтон; сохранилась также часть его эпистолярного наследия, собранная и изданная его сыном Джоном Донном младшим под названием «Послания к различным знатым особам» (*Letters to Several Persons of Honour*, 1651). Всего до нас дошло около 150 писем Донна — число весьма внушительное для XVII века. Единственный другой видный деятель той поры, чьих писем сохранилось еще больше, — это Френсис Бэкон. Кроме писем, сохранились также некоторые другие документы: завещание Донна,

собственноручно им подписанное, его долговая расписка Эджер-тону, исковое заявление в суд против некоего Кристофера Данби, старшего брата ограбившего его слуги, и т. п. Сведения о Донне содержатся во многих официальных бумагах (например, в протоколах парламентских заседаний за 1601 и 1614 гг., когда Донн избирался в палату общин), в исторических хрониках, мемуарах, частной переписке и прочих современных источниках, не говоря уже о стихах, ему посвященных, и элегиях на его кончину. Благодаря всей этой обширной и разнообразной информации хронология жизни Донна почти не имеет пробелов, которых так много, например, в биографии Шекспира. Все пять сохранившихся прижизненных его портретов не вызывают сомнения в их подлинности и позволяют достаточно отчетливо представить себе не только внешний облик, но и некоторые особенности характера Донна. Наконец, хорошо известен круг его друзей.

Но есть и обратная сторона медали. Дело в том, что далеко не все сведения об обстоятельствах жизни Донна вполне достоверны. Так, Уолтон, создавая свой портрет достойного сына Церкви Англии и верноподданного возлюбленного монарха, старательно освобождал облик Донна от таких черт, которые вступали бы в противоречие с этой общей тенденцией его труда. Главная цель Уолтона состояла в том, чтобы показать, что Донн был в числе избранных всевышнего, что посвящение в сан было предназначено ему, и поэтому вся литературная деятельность отступила в биографии на задний план, а в центре внимания оказалась его карьера сановника церкви. К тому же Уолтона, который писал свой труд спустя девять лет после смерти Донна, сильно подводила память. Он, в свое время близко знавший Донна (ибо жил в его приходе), теперь сплошь и рядом путал имена, даты, хронологическую последовательность событий, приписывал Донну чужие слова и поступки, вымыслом подменял, или расцвечивал факты и т. д.

Донн младший откровенно спекулировал на славе отца. Его меньше всего интересовали поэтические лавры Донна; напротив, он стыдился их, полагая, что сочинительство несовместимо с высоким саном настоятеля собора святого Павла. Из писем отца он убрал все «сомнительные» места, переадресовал большую их часть неким безымянным или обозначенным загадочными инициалами знатым персонам и нарушил хронологический порядок их расположения. В связи с этим становится ясно, что составитель научно обоснованной биографии Донна не может рассматривать издание писем 1651 г. как достоверный документ.

Приведенные примеры ясно показывают, что, как это ни парадоксально, обилие материала не столько служит подспорьем исследователю творчества Донна, сколько во многом осложняет его задачу.

Джон Донн родился в Лондоне между 24 января и 19 июня 1572 г. Отец его, Джон Донн старший, был зажиточным горожанином, торговцем скобяными изделиями. Он умер рано, когда маленькому Джону еще не исполнилось и четырех лет, оставив ему довольно большое по тем временам состояние со вступлением в права наследства по достижении совершеннолетия.

Мать Донна Элизабет, урожденная Хейвуд (Heuwood), была ревностная католичка. Воспитание детей (кроме самого Донна, в семье было еще четыре дочери и младший сын Генри) она держала в своих руках и наставляла их в духе «истинной веры». Хотя к началу 1570-х гг. католиков в Англии было все еще заметно больше, чем протестантов, правительство королевы Елизаветы, стоявшее на грани войны с католической Испанией и резко обострившее отношения с Ватиканом, уже настойчиво проводило против своих католических подданных политику дискриминации и даже прямых репрессий. В роду Донна по материнской линии было немало мучеников за веру, за непоколебимую преданность своим убеждениям. Яркий пример такой мужественной стойкости показал самый знаменитый из его предков — Томас Мор, автор «Утопии» и лорд-канцлер отца королевы Елизаветы Генриха VIII, отказавший королю в признании его главой церкви в Англии и за это сложивший голову на плахе. В роду Хейвудов царил настоящий культ Томаса Мора, о чем свидетельствует, между прочим, следующий курьезный анекдот. Рассказывали, будто у двух старших братьев Элизабет Хейвуд, Эл-лиса и Джаспера, хранился на двоих один зуб покойного Мора, который они никак не могли поделить между собой, как вдруг, к восторгу обоих, вместо этого одного зуба чудесным образом появилось два⁹.

Дед Донна Джон Хейвуд (1497–1580) был другом Томаса Мора и породнился с ним, женившись на его племяннице Элизе. Отцом Элизы был издатель Джон Растелл (Rastell), автор известной интерлюдии «О природе четырех стихий» (1519), в которой особенно ярко сказались гуманистические идеи. В 1564 году Джон Хейвуд был вынужден эмигрировать из Англии, так как отказался признать оба статута Елизаветы — о верховенстве и о единообразии богослужения. Его брат Томас, монах, вернувшийся в мир после

закрытия его монастыря, был казнен в 1574 г. за то, что, невзирая на запрет, продолжал служить католическую мессу.

Упомянувшиеся уже Эллис и Джаспер Хейвуды были фанатиками, одержимыми идеей снова обратить заблудших соотечественников в веру предков. Отправившись вместе с отцом в эмиграцию, они вступили тогда в орден иезуитов. Время от времени они тайно появлялись на родине, где, по-видимому, находили убежище в доме сестры. Таинственные появления и исчезновения обоих Хейвудов, атмосфера секретности, окутывавшая их, производили сильное впечатление на детей. Есть основания полагать, что Эллис и Джаспер (особенно последний) дали юному Джону начатки образования, обучив его французскому языку и латыни. В 1583 г. Джаспер был схвачен и посажен в Тауэр; его судили и приговорили к смерти, но, в конце концов, ему было даровано помилование с условием немедленно покинуть Англию. Джаспер умер в изгнании.

Младший брат Донна Генри в 1593 г. по доносу агента тайной полиции был схвачен за то, что укрывал у себя католического священника и получал у него отпущение грехов. Юноша сознался в содеянном и ждал суда, но вскоре умер в Ньюгейтской тюрьме во время эпидемии чумы.

Ореол мученичества наложил своеобразный отпечаток на психологию мужчин и женщин, принадлежавших к роду Хейвудов. С одной стороны, это развило в них чувство ущемленности, уязвленную гордыню отверженных, от которой один только шаг до комплекса собственного превосходства, сознания своей исключительности, принадлежности к «избранным Господа». С другой стороны, долгое пребывание в статусе гонимых воспитало в них ненависть к гонителям и бунтарский дух с оппозиционным антиконформистским отношением к официальной идеологии и официальным доктринам. Все это следует иметь в виду, чтобы составить правильное представление об особенностях психологии молодого Донна. «Я никогда не закрывал глаза на то, — писал впоследствии. Донн в обращении к читателю, предпосланном трактату «Псевдомученик» (1610), — что мне, возможно, суждена участь мученика, ибо я происхожу из такого рода, который, я полагаю, как никакой другой, поплатился жизнями и имуществом за повиновение учителям римской веры»¹⁰.

В 1584 г. Джон и Генри Донны были приняты в Оксфордский университет в возрасте соответственно 12 и 11 лет. Братья были моложе многих своих однокашников. Хотя, вообще гово-

ря, поступление в университет в столь раннем возрасте не было по тем временам из ряда вон выходящим явлением (в анналах Оксфорда и Кембриджа сохранились сведения о еще более юных студентах), в данном случае оно объяснялось особой причиной. В университетах, которые в эпоху Возрождения становились «питомником» государственных чиновников, католиков подвергали дискриминации, как и в других сферах общественной жизни Англии. При поступлении в университет и окончании обучения все студенты обязаны были письменной присягой удостоверить свое признание статута о верховенстве королевы. От присяги освобождались лишь подростки, не достигшие еще шестнадцати лет, ибо, как считалось, они не могли понять ее смысла. Именно по этой причине Элизабет Донн отправила сыновей в университет в столь нежном возрасте; именно поэтому братья покинули Оксфорд по истечении трех лет, не закончив курса.

В Оксфорде Донн завязал дружбу с Генри Уоттоном (Wotton), будущим видным дипломатом и поэтом, Джоном Хоскинсом (Hoskyns), получившим впоследствии известность благодаря своему трактату «Наставление о том, как красиво говорить и писать» (*Directions for Speech and Style*, 1599–1600), и Ричардом Бейкером (Baker), ставшим в зрелые годы незаурядным поэтом и переводчиком. Позднее друзья все вместе поступили учиться в юридическую корпорацию, а затем не теряли друг друга из виду долгие годы.

Однако из всех троих самым близким другом Донна стал Уоттон. Оба участвовали в испанских экспедициях 1596–1597 годов. С Уоттоном, многие годы проведенным за рубежом, Донн постоянно был в переписке и посвятил ему несколько стихотворных посланий. После смерти Донна Уоттон намеревался написать его биографию в качестве предисловия к его избранным проповедям, но умер, не успев осуществить свой замысел.

После Оксфорда Донн около года пробыл в Кембридже. Столь короткий срок пребывания также, по-видимому, был обусловлен его нежеланием дать требуемую присягу.

Во второй половине 1580-х гг. обучение в обоих университетах в целом все еще носило средневековый характер. Главными предметами были риторика, логика, учение Аристотеля и гражданское право, и степень бакалавра присваивалась преимущественно за умение вести схоластические диспуты. Ожесточенная полемика, которую вели между собой приверженцы Церкви Англии, кальвинисты и католики, целиком поглощала внимание

университетских ученых мужей; естественно, что и обучавшиеся не могли оставаться в стороне от этих споров. Донн, остро ощущавший свое неполноправное положение, должен был проявлять особый интерес к доводам и контрдоводам богословов разных исповеданий.

В то же время развитие капиталистических отношений в стране не могло не затронуть университетского образования. Большая часть студентов стремилась к светской карьере. Число крупных государственных деятелей елизаветинской эпохи, учившихся в Оксфорде или Кембридже, служит свидетельством нового взгляда на науку. Джентльмен, особенно если он стремился занять в будущем какой-либо важный пост, должен был теперь получить законченное образование в одном из «рассадников учености». Помимо латыни, греческого и классической мифологии, требовались познания в естественных науках и в математике. Дисциплинами сверх курса студенты овладевали посредством занятий с наставниками, которых нанимали частным порядком, что могли позволить себе только самые состоятельные из учащихся. Именно так, по всей вероятности, Донн изучил каноническое право, астрономию, физику, химию и математику. К тому же еще с раннего детства он был страстным любителем чтения и из книг сам постигал то, чему не учили в университетах. У него была феноменальная память, которую он развивал еще и тем, что систематически конспектировал все прочитанное¹¹. По словам Уолтона, многие считали, что Донн — это новый Пико дела Мирандола¹².

Год, проведенный в Кембридже, оказал, без сомнения, гораздо более плодотворное воздействие на интеллектуальное и нравственное формирование Донна, чем три года в Оксфорде. Он теперь уже прощался с детством, и его восприятие мира сделалось более тонким и зрелым; кроме того, в Кембридже он обрел кумира своей юности. Этим кумиром стал Кристофер Марло, знаменитый своими грандиозными драмами и внушавший одновременно и ужас и восторг своим откровенным презрением к религии. В Кембридже Донну, по-видимому, впервые попали в руки сочинения Марло, который к тому времени уже успел перевести «Любовные элегии» Овидия, чье влияние отчетливо прослеживается в «Элегиях» Донна.

В Кембридже Донн впервые встретился с Генри Гудьером (Goodyer, 1571—1627), который стал его самым близким другом. Гудьер, сам весьма твердо стоявший на ногах (после восшествия на престол Якова I он получил должность постельничего при

королевской особе), поддерживал Донна духовно и материально в трудные моменты его жизни. Именно Гудьер нашел Донну в 1602 или 1603 г. знатную покровительницу в лице графини Люси Бедфорд (Bedford); именно Гудьеру Донн почти еженедельно отправлял длинные послания, чтобы поделиться мыслями по поводу самых разнообразных проблем — от узкобытовых и интимных до религиозных и умозрительно-философских.

1589—1591 гг. составляют пробел в биографии Донна. Уолтон сообщает, что после испанской экспедиции 1597 г. Донн не вернулся прямо на родину, а провел несколько лет, путешествуя по Европе. В частности, посетил Италию и Испанию, где «делал много полезных для себя наблюдений по части законов и образа государственного управления этих стран и довел до совершенства свое знание итальянского и испанского языков». Далее Уолтон поясняет, что главной целью путешествия Донна была Святая Земля, где он намеревался поклониться гробу Спасителя, но вынужден был воздержаться от своего намерения — главным образом из-за ненадежности средств пересылки денег в эти отдаленные края¹³. Однако сообщение Уолтона не подтверждается никакими другими документальными данными. Р. Болд полагает, что если такое путешествие Донна действительно имело место, то только в период до испанских экспедиций. Но не после них (поскольку начиная с 1597 г. и до тайного брака Донна в 1601 г. все обстоятельства его жизни достаточно хорошо известны) и не с целью поклонения гробу господню, а для того, чтобы посетить родного дядю Джаспера Хейвуда, который доживал свой век в Неаполе¹⁴.

Следующий этап жизненного пути Донна — годы учения в юридической корпорации Линкольнс Инн. С 1591 по 1595 г. он находился в среде молодых людей, готовивших себя исключительно к светской карьере, для отправления должностей в государственном аппарате королевства. Это были в основном отпрыски состоятельных буржуазных семей, «новые люди», обладавшие практическим складом ума и ясным сознанием жизненной цели. Их не волновали ни богословские, ни вообще, какие бы ни были умозрительные проблемы; ни отцы церкви, ни тем паче современные богословы и моралисты не были для них авторитетами, поскольку узкий практицизм побуждал искать иных кумиров. Средневековые корпоративные представления об этике, морали, вассальном долге постепенно рушились; им на смену приходила убежденность в неограниченных возможностях

сильной личности, ее полной бесконтрольности и подвластности только самой себе. Эти идеи зрели в умах честолюбивой молодежи, которая теперь праздновала свободу от родительской опеки и строгих правил, регламентировавших ее поведение в колледжах обоих университетов.

Для Донна с его католическим воспитанием и гордыней отверженного этот процесс переоценки духовных ценностей не мог, разумеется, быть легким и безболезненным. Изучая право в Линкольнс Инн, Донн находился в самом водовороте столичной жизни со всеми ее привлекательными для юного поэта сторонами, а также и опасными соблазнами и пороками. Первую пятницу каждого месяца он бывал в знаменитой таверне «Морская дева» на Бред-стрит. Здесь собиралась интеллектуальная элита тогдашнего английского общества — поэты, художники, ученые, юристы. Здесь, согласно преданию, вели между собой жаркие споры о сути и назначении искусства Шекспир и Бен Джонсон. На формирование мировосприятия и эстетических взглядов Донна вечера на Бред-стрит оказали, возможно, не меньшее влияние, чем годы учения в Оксфорде, Кембридже и Линкольнс Инн.

Из стихотворных посланий Донна и свидетельств современников явствует, что в годы учения в Линкольнс Инн он был завсегдаем лондонских театров. И хотя он не писал пьес, вряд ли можно сомневаться, что его поэтическое творчество получило мощный импульс от елизаветинской драмы, которая представляла собой высшее достижение культуры английского Возрождения.

В Линкольнс Инн расширился круг друзей Донна. Новыми его друзьями стали поэт Кристофер Брук (Brooke), талантом которого впоследствии восхищался Бен Джонсон, и его брат Сэмюель. Братья Бруки и Донн были неразлучны; позднее к ним присоединился Роуланд Вудворд (Rowland Woodward). Этому последнему Донн адресовал несколько стихотворных посланий, а в 1610 г. подарил экземпляр своего трактата «Псевдомученик», что было знаком принадлежности Вудворда к числу самых близких поэту лиц.

Находясь среди тех, кто стремился к светской карьере, Донн быстро понял, что вера предков угрожает стать серьезной преградой на пути, поставленной им перед собой цели продвижения в жизни. Он не был фанатиком, как мать или дядя Джаспер; к тому же новое окружение привило ему изрядную долю скепсиса к догматическим спорам между католиками и протестантами. Свои сомнения он передал в сатире III, написанной либо в период учения в Линкольнс Инн, либо, быть может, позднее, когда

он готовился поступить на государственную службу. Размышления о дальнейших перспективах заставили его серьезно задуматься над тем, чтобы перейти в англиканство. Уолтон описывает это зревшее у Донна намерение следующей нарочито туманной фразой: «И вот он вступил в восемнадцатый год своей жизни и к этой поре уже не связывал себя ни с какой иной религией, кроме той, которая давала ему право зваться христианином»¹⁵.

Здесь Уолтон пытается одним ударом убить двух зайцев: с одной стороны, обходит молчанием значение семейной католической традиции для Донна; с другой, делает вид, будто за время обучения в Линкольнс Инн Донн отнюдь не набрался царившего там духа сомнения в истинности любой из разновидностей христианской веры, но оставался подверженным «дурным влияниям». Смысл такого насилия над фактами очевиден: Уолтон больше всего заботился о том, чтобы ничто не противоречило созданной им легенде о роли провидения в жизни будущего настоятеля собора святого Павла.

Годы, проведенные в Линкольнс Инн, были, несмотря на напряженный ритм жизни и «базар житейской суеты», весьма плодотворными для Донна. Он создал за это время значительную часть «Песен и сонетов», большую часть элегий, первую и вторую (а возможно, и третью) сатиры, несколько стихотворных посланий, «Эпиталаму, написанную в Линкольнс Инн», в которой ощущается влияние Спенсера. Это был переходный период от юности к зрелости, от вольного или невольного подражания известным поэтическим образцам к творческой самобытности, от неистовства страстей, признающих одни только крайности душевных состояний, к трезвой и глубокой оценке действительности, которая достигается лишь врожденной мудростью, помноженной на собственный жизненный опыт.

В 1596 г. Донн оказался на распутье. Вследствие рассеянного образа жизни от отцовского наследства остались жалкие крохи, а выгодных предложений на государственную службу все не поступало. Свою литературную деятельность он рассматривал не как источник существования, что было бы зазорным в глазах людей его круга, а как развлечение для себя и друзей. Стихов он не печатал, и они широко распространялись в списках. Не будучи литератором-профессионалом, он пока еще не считал нужным обзавестись знатным и богатым покровителем. В итоге лучшим выходом из затруднительного материального положения двадцатичетырехлетний честолюбивый юрист и поэт стал

считать военное поприще и в 1596 г. записался под начало лорда-адмирала Томаса Хауэрда для участия в подготавливаемой тогда морской экспедиции против испанцев в Кадис. Командующим десанта был фаворит королевы граф Эссекс, а его помощником (в звании вице-адмирала) — его давний соперник, знаменитый мореплаватель, ученый и поэт Уолтер Рэли (Walter Raleigh). Сам Эссекс дал согласие на зачисление Донна в свой отряд. Ходатаем за Джона Донна выступил Уоттон, который в то время был секретарем на службе у Эссекса.

Экспедиция прошла довольно успешно. Два испанских галеона (в том числе флагман) были сожжены, два захвачены; Кадис взят приступом и разграблен. Однако потери англичан тоже были велики. Кроме того, Елизавета осталась недовольна мизерными поступлениями от экспедиции в королевскую казну.

В следующем году Эссекс, которого снεδало неумное тщеславие, убедил королеву послать еще одну экспедицию против Испании. На этот раз в качестве объекта нападения были выбраны Азорские острова. Командовать экспедицией было поручено прежнему триумвирату, то есть Эссексу, Рэли и Хауэрду.

В отличие от предыдущей, экспедицию 1597 г. с самого начала преследовали неудачи. Отплытие задержалось больше чем на месяц из-за свирепого шторма, основательно потрепавшего корабли. Уже находясь в виду Азор, английская эскадра долго пребывала в бездействии по причине мертвого штиля и страшной, необычной даже для этих широт жары. Оба этих стихийных бедствия Донн с большим реалистическим мастерством описал в стихотворных посланиях Кристоферу Бруку под названиями «Шторм» и «Штиль», которые были, по-видимому, сочинены прямо «на месте происшествия». Результат экспедиции был вовсе бесславленным. Эссекс и Рэли, ненавидевшие друг друга, никак не могли наладить совместные действия и пытались сражаться поодиночке. Отряды того и другого понесли большие потери, упустили, не заметив под самым носом, нагруженную золотом испанскую флотилию, которая следовала из Вест-Индии, и вынуждены были без всякой добычи вернуться восвояси, чем привели в бешенство старую королеву. Если, отправляясь в Кадис, Донн еще мог испытывать какие-то романтические иллюзии насчет флибустьерских экспедиций и военной карьеры вообще, то теперь он излечился от них навсегда.

Между тем неудачная попытка сделать карьеру на военном поприще принесла неожиданные плоды. Среди участников экспеди-

ции на Азорские острова был молодой Томас Эджертон (Egerton), старший сын лорда-хранителя большой королевской печати Томаса Эджертона, недавно занявшего этот ключевой пост, один из самых высоких в королевстве. Поскольку Эджертон младший обучался в Линкольнс Инн в одно время с Донном, возможно, что их знакомство произошло еще до 1597 года. Как бы то ни было, Эджертон младший в конце 1597 г. или в начале 1598 г. представил Донна своему отцу, и тот предложил поэту, снова оказавшемуся не у дел, «должность своего главного секретаря, предполагая и рассчитывая, что сия должность будет только первым шагом к какому-либо более значительному государственному посту, для коего его сиятельство, по собственным его словам, неоднократно повторенным, считал Донна весьма пригодным»¹⁶.

Официальные обязанности Эджертона были многочисленны и разнообразны. Как лорд-хранитель печати он председательствовал, восседая на мешке с шерстью, в верхней палате парламента и, кроме того, действовал в качестве посредника между короной и палатой общин. Как член тайного совета королевы он был причастен к принятию решений по всем государственным делам первостепенной важности. Наконец, в его ведении были все суды королевства. Занимаемый пост и круг обязанностей ставили, таким образом, Эджертона в один ряд с такими выдающимися государственными деятелями елизаветинской поры, как Лестер, Берли, Уолсингем, и, подобно им, он, безусловно, был человеком незаурядных способностей, умным, компетентным и дальновзорким политиком.

Какие именно функции были поручены Донну его новым патроном, сказать трудно. Несомненно лишь то, что он принимал участие в расследовании жалоб на самоуправство и издевательство судебных чиновников. Жалобы эти шли непрерывным потоком на имя лорда-хранителя печати от тяжущихся в судах различных инстанций. Сатира V, исполненная страстного негодования против развращенных и продажных слуг закона, содержит детали, свидетельствующие о близком знакомстве Донна с работой судебного аппарата.

В этот период Донн завязал еще два знакомства. Одним из новообретенных друзей был Уильям Корнуоллис (Cornwallis), политический деятель и автор сборника эссе, написанных в подражание Монтеню. Другой, Томас Роу (Roe), стяжал некоторую популярность как лирический поэт; его стихи анакреонтического содержания часто приписывали Донну.

Почти наверняка в Йорк-хаусе, резиденции Эджертона, Донн встречался с Френсисом Бэконом, который началом своего продвижения вверх по ступеням иерархической лестницы был обязан Эссексу, но позднее, в конце 90-х годов, в связи с тем, что авторитет Эссекса пошел на убыль, стал искать покровительства у лорда-хранителя печати. Есть основания полагать, что в самом начале царствования Якова I Бэкон представил Донна, который тогда находился в крайней нужде, Джеймсу Хею (Hay), будущему графу Карлайлу (Carslisle), знатному шотландцу, который прибыл в Англию вместе с королем и был одним из самых доверенных его лиц. Известно, что Хей неоднократно выступал ходатаем за Донна перед королем¹⁷.

По делам службы Донну часто приходилось бывать в Уайтхолле, лондонской резиденции королевы. Он отлично знал двор с его удушливой атмосферой лести, предательства, интриг и самой низкой клеветы. На глазах Донна разыгрывалась история величия и падения Роберта Девре, графа Эссекса, бывшего его военачальника, который собрал вокруг себя группу таких же, как и он сам, молодых честолюбцев из дворян, недовольных королевой, поднял мятеж, но был предан многими своими сторонниками и сочувствующими, схвачен, судим и предан казни. Донн также был очевидцем резких столкновений между королевой и палатой общин в том же 1601 году, когда Эссекс сложил голову на плахе. Избрание Донна в парламент состоялось по инициативе Эджертона, желавшего иметь «своего человека» в палате общин, и было последним этапом светской карьеры Донна.

События последних лет показали Донну действительность со всех сторон. Жестокая жизненная правда отрезвила и окончательно лишила его наивных юношеских иллюзий о возможности парадного, не требующего компромиссов с убеждениями и совестью пути к вершине преуспеяния и власти.

Однако все пережитое оказалось только прелюдией к грядущей катастрофе, которая положила конец всем честолюбивым надеждам Донна.

В доме Эджертона воспитывалась племянница его жены Анна Мор (More), которой ко времени появления Донна в Йорк-хаусе едва исполнилось 14 лет. Молодые люди страстно полюбили друг друга, но встречались тайно, ибо понимали, что у них нет никаких шансов получить согласие отца Анны на брак. Отец Анны, сэр Джордж Мор, был богатым сельским сквайром; родство с Эджертоном еще больше укрепило его социальное положение. Донн,

человек с католическим прошлым и дурной репутацией повесы, не имеющий за душой ни гроша и унижающий себя недобропорядочным ремеслом сочинителя, был, разумеется, неподходящей партией для Анны.

В декабре 1601 г. Донн и Анна Мор тайно обвенчались. Выдавал невесту Кристофер Брук, а венчал чету Сэмюель, который к тому времени принял духовный сан.

Теперь трудность заключалось в том, чтобы поставить в известность о совершившемся бракосочетании отца Анны. Томимый страхом и нерешительностью, Донн, сколько мог, оттягивал момент неизбежного признания. Через два месяца он слег в постель от нервного истощения и, будучи уже не в состоянии лично явиться к Джорджу Морю, послал вместо себя найденного с помощью Кристофера Брука влиятельного посредника — Генри Перси, девятого графа Нортумберленда. Тот был известным меценатом, покровительствовал поэтам и ученым (его клиентами, в частности, были математик Хэриот из вольнодумного кружка Уолтера Рэли и драматург Чапмен), сам увлекался алхимическими опытами, за что получил прозвище «графа-колдуна». Донн рассчитывал, что знатная персона произведет должное впечатление на тестя и убедит его прислушаться к голосу разума. Нортумберленд передал Морю письмо Донна, в котором тот сообщал о браке с Анной, умолял простить его и жену и оправдывался тем, что был совершенно убежден, что любой намек на его намерение просить руки и сердца Анны был бы воспринят Мором как тягчайшее оскорбление. Особо он просил пощадить Анну, чтобы в отсутствие супруга ей не пришлось в одиночку испытать «весь ужас отцовского внезапного гнева»¹⁸.

Худшие опасения Донна подтвердились. Разъяренный Мор немедленно кинулся к Эджертону требовать наказания виновных и расторжения «незаконного» брака дочери с Джоном Донном. С точки зрения канонического права состав преступления был налицо, и Эджертон, который в целом благожелательно относился к Донну, вынужден был отдать приказ о его заключении в тюрьму. Одновременно были арестованы братья Бруки.

Находясь в заключении, Донн одно за другим писал покаянные и униженные послания Морю и Эджертону. В них он умолял отпустить его вину и опровергал клевету, которую теперь возводили на него недоброжелатели. Он заявлял, что в своем поступке руководствовался одним лишь страстным чувством к Анне, а не соображениями корысти или карьеры. Он, несомненно, был

искренен в своих заверениях, что и показала его дальнейшая семейная жизнь, исполненная, несмотря на длительную, моральную изоляцию и материальные тяготы, неизменной взаимной любви и преданности супругов.

Донн вскоре был освобожден (Бруков также отпустили), его брак с Анной суд признал законным, но Эджертон уволил его со службы, а благодаря досужим языкам о нем сложилось мнение как о человеке ненадежном и бесчестном, обманувшем доверие патрона и благодетеля. Мор лишил дочь наследства. Таким образом, в возрасте тридцати лет Донн оказался без денег и с молодой женой из богатого дома, которую должен был прилично содержать. У них пошли дети. Всего за шестнадцать лет их совместной жизни Анна родила двенадцать детей, из которых пять умерло в младенчестве.

Друзья не покинули Донна в беде. Поскольку у него не было средств купить или просто снять жильё, попеременно кто-нибудь из друзей приглашал его с семьей к себе на неопределенный срок или предоставлял кров Анне с детьми, пока Донн составлял компанию очередному покровителю на правах секретаря в путешествии по Европе. Так, в 1611–1612 гг. он сопровождал некоего Роберта Друри (Drury), который был дальним родственником Бэкона и близко стоял к королю, в поездке по Франции, Фландрии и Германии. После возвращения Донн с семьей поселился в Лондоне, где некоторое время они жили в доме Друри.

Когда внезапно умерла пятнадцатилетняя дочь Друри Элизабет, Донн из признательности к патрону обязался почтить память усопшей поэмой, а затем каждый год сочинять по поэме ко дню ее кончины. Так возникли первая и вторая «Годовщины», которые также известны соответственно как «Анатомия мира» и «О пути души» (1611–1612). Дальше двух «Годовщин» поминание, впрочем, не пошло. Да и то смерть юной Друри явилась для Джона Донна, в сущности, лишь предлогом, чтобы поделиться собственными тревожными переживаниями по поводу того, что под действием нового знания, все более властно заявляющего о себе, распадается и исчезает на глазах привычная картина мироздания, именуемая вселенской иерархией бытия.

Зависимость от покровителей заставляла Донна время от времени сочинять погребальные элегии по случаю кончины той или иной особы, близкой покровителю. Эти стихи были лишены истинного вдохновения, каким отмечены шедевры из «Элегий»,

«Песен и сонетов» и «Духовных стихотворений»; кроме того, в них совсем не ощущается самобытный почерк Донна.

С концом прежнего царствования (Елизавета умерла в 1603 г.) и началом нового Донн на некоторое время воспрянул духом. Он надеялся, что теперь все старое будет позабыто и ему удастся снова получить назначение, соответствующее его опыту и способностям. В 1607 г. через посредство Гудьера он безуспешно пытался получить пост королевского секретаря. В следующем году освободилось место секретаря при королевском наместнике в Ирландии, которое традиционно занимали лица, обладающие литературным дарованием. Первым таким секретарем был Эдмунд Спенсер, после него пост перешел к Джорджу Фентону (Fenton), известному переводчику Банделло. По поводу этого места за Джона Донна перед королем хлопотал Хей, но король отказал на том основании, что Донн чересчур скомпрометировал себя историей с тайным браком.

В 1607–1608 гг. Донн, не имевший ни состояния, ни самого минимального источника дохода, ни доброго имени, ни даже своего крова над головой, был настолько близок к полному отчаянию, что всерьез помышлял о самоубийстве. В трактате «О насильственной смерти», а также в письмах к Гудьеру этих лет он ставит и обсуждает в деталях, взвешивая все доводы за и против, гамлетовскую дилемму «быть или не быть».

Как раз в этот период у Донна появились симптомы изнурительной болезни, которая, в конце концов, свела его в могилу. Время от времени болезнь давала рецидивы, причинявшие ему тяжелые физические страдания. В 1623 г., во время очередного приступа, он написал нечто вроде морально-медицинского и философского эссе под названием «Благочестивые размышления в чрезвычайных обстоятельствах и некоторые стадии моей болезни» — *Devotions upon emergent occasions, and severall steps in my sicknes*. В нем скрупулезные наблюдения над течением собственного недуга перемежались с рассуждениями о сути и тщете человеческого бытия. В этом состоянии глубокой депрессии у него возникла навязчивая идея — ощущение того, что причиной всех его бед были собственные прегрешения. Его преследовал страх близкой кончины; страшила его не смерть как таковая, но необходимость ухода в небытие с грузом той вины, которая, как он полагал, обрекла на страдания его самого и несчастную жену.

В 1609 г. ему показалось, что он нашел, наконец, способ рассеять предубеждение короля. В это время Яков I, у которого еще

не изгладился в памяти до смерти перепугавший его «пороховой заговор» папистов 1605 г., был занят полемикой с иезуитскими богословами за рубежом по вопросу о статуте о верховенстве. Еще в 1606 г. папа Павел V выпустил два бреве, осуждавших присягу на верность королю, которую под угрозой конфискации имущества или даже смертной казни должны были после «порохового заговора» давать английские католики. Оба бреве вскоре были подкреплены ученым посланием самого видного из тогдашних католических богословов кардинала Беллармина. В нем содержались ехидные намеки на невежество английского монарха, который гордился своей эрудицией и почитал себя ученым богословом.

В ответ на эти три обличения Яков I в конце 1607 г. сам сочинил трактат под победительным названием «Тройной клин на тройной узел» (*Triplici nodo triplex cuneus*) и приказал опубликовать его анонимно на английском и латинском языках. Безымянное авторство не было, разумеется, ни для кого секретом, и Беллармин продолжил полемику, выступив в следующем, 1608 году с еще более ехидным памфлетом под названием «Ответ на сочинение, озаглавленное Тройной клин на тройной узел» (*Responsio ad librum inscriptum Triplici nodo triplex cuneus*). Реакция взбешенного монарха последовала незамедлительно, в 1609 г. вышло новое издание его трактата с обширным предисловием под грозным заглавием: «Предупреждение... всем самым могущественным монархам, королям, независимым государям и государствам христианского мира» (*A Premonition... to all most mightie Monarches, Kings, free Princes and States of Ghristendome*).

Уолтон представляет дело так, будто Донн принял участие в этой бумажной войне по прямому указанию короля. Король, рассказывает он, давно знал Донна, часто приглашал его к трапезе и высоко ценил за начитанность и умение логически мыслить и формулировать мысли. Именно эти качества Донна будто бы побудили короля поручить ему, составить ответ Беллармину¹⁹.

Такая версия противоречит свидетельству самого Донна. В посвящении королю, предпосланном «Псевдомученику», он ясно говорит, что взялся за труд, прочитав сочинение короля, а не получив от него личное поручение²⁰. По-видимому, замышляя работу над богословским трактатом, он руководствовался двумя мотивами. Главный из них состоял в том, что как патриот Донн превозмогал свои католические симпатии и осуждал иезуитскую пропаганду, ибо считал, что иезуиты сеяли рознь между английскими

католиками и тем самым вносили смуту в государство. С другой стороны, он надеялся привлечь к себе внимание короля и таким образом разрушить, наконец, заговор молчания, окружавший его со времени бракосочетания с Анной Мор²¹.

Обе эти цели были достигнуты, но результат оказался для Донна неожиданным и печальным. Трактат «Псевдомученик», в котором он с помощью различных ученых разысканий и ссылок на авторитеты доказывал законность и справедливость статута о верховенстве, а также призывал католиков-англичан к беспрекословному повиновению светской власти, вышел в 1610 году. В следующем году последовал в английском и латинском вариантах трактат «Конклав Игнатия» (Ignatius his Conclave), представляющий собой злую сатиру на Игнатия Лойолу и орден святого Иисуса.

За «Псевдомученика» Оксфордский университет по приказанию короля присудил Донну почетную степень магистра богословия, и этой наградой король дал ясно понять, что желает видеть Донна служителем церкви. Ранее это же предложение было передано Донну через каноника Мортонна, которого Донн хорошо знал.

Для Донна это действительно был неожиданный и страшный удар, так как посвящение в сан представляло собой грубое насилие над его мировоззрением гуманиста и поэта. Кроме того, он мог рассматривать предложение короля как унижительное для себя, ибо в его кругу и при дворе к духовенству в то время относились с неприкрытым презрением, полагая, что священнослужителями в основном становятся неудачники, у которых не удалась светская карьера²². Причина такого отношения к клиру, резко контрастирующего со сравнительным почетом, которым было окружено духовное сословие в католических странах, заключалось, по-видимому, в прямой и рабской зависимости английского духовенства от государственной власти²³.

Предложение Мортонна Донн решительно отклонил. Он снова попытался воздействовать на короля через фаворитов, просил о заступничестве Хея, но все демарши Хея успеха не имели. Король был упрям, его самодовольство не знало границ, и, будучи уверен, как все недалекие люди, в непогрешимости своих суждений, он никогда не менял раз принятых решений. В совершенном отчаянии Донн решился на шаг, о котором потом горько пожалел.

В 1613 г. он обратился с письмом к всемогущему фавориту Роберту Керу, графу Сомерсету (Robert Ker, earl of Somerset),

в котором просил содействия в назначении его послом в Венецию. Пост этот оставался вакантным после того, как Уоттон, занимавший его в течение нескольких лет, вернулся на родину в ожидании нового, еще более почетного назначения. Сомерсету Донна рекомендовал двоюродный брат и тезка фаворита Роберт Кер, который был давнишним приятелем Донна. Сомерсет согласился содействовать Донну, заверив, что отвратит от него угрозу посвящения в духовный сан, но потребовал взамен, чтобы Донн приветствовал эпиталамой его брак с графиней Эссекс, вокруг которого разразился громкий скандал.

Графиня Эссекс была замужем, и Сомерсет всеми правдами и неправдами пытался добиться признания ее брака с графом Эссексом недействительным. Нуждаясь в жесвидетелях, он рассчитывал на содействие своего друга Томаса Овербери (Overbury), автора знаменитых карикатурно-сатирических «портретов» в прозе и поэмы «Жена». Овербери сочинял для фаворита любовные письма к графине, но резко отверг постыдное предложение и, более того, стал всячески препятствовать планам Сомерсета. Тогда Сомерсет оклеветал его перед королем и добился его заточения в Тауэр, где тот вскоре и умер.

В конце концов, несмотря на бурные протесты кругом, брак графини Эссекс был расторгнут, и Сомерсет женился на ней. В сочиненной им эпиталаме Донн славил бракосочетание фаворита, но его холодные и казенные стихи не шли ни в какое сравнение со стихами в том же жанре, написанными десять лет назад в Линкольнс Инн. Талант отказался пойти на компромисс, который поэт вынужден был заключить с совестью.

Однако это еще не было концом истории. В следующем году звезда Сомерсета закатилась, и он должен был уступить место новому фавориту — Джорджу Вильерсу, будущему герцогу Бекингему (George Villiers, duke of Buckingham). Незадолго до своего падения, весной 1614 г., Сомерсет частично выполнил обещание, которое дал Донну: при его содействии Донн был избран в палату общин на время сессии так называемого «Гнилого» (Addled) парламента. Король дал согласие на созыв парламента, рассчитывая получить от него финансовую помощь. Однако его расчет не оправдался. Сессия открылась и прошла под знаком резкой оппозиции королю со стороны членов палаты общин, которые протестовали против системы монополий и засилья фаворитов. Через два месяца Яков поспешил распустить непослушный парламент. Участие в сессии «Гнилого»

парламента было последней попыткой Донна вернуться к светской карьере.

Бекингем проявил интерес к причине скорострительной смерти Овербери в Тауэре, и вскоре обнаружилось, что злополучный сатирик был отравлен тюремщиками, которых подкупили Сомерсет и графиня Эссекс. Тюремщики во главе с комендантом Тауэра были повешены, а Сомерсет с женой были водворены в Тауэр, где по приказу короля им учиняли допросы хорошо знакомые Донну лица — его тесть Джордж Мор, назначенный комендантом Тауэра, Джеймс Хей и Роберт Кер. В мае 1616 г. Сомерсеты были приговорены к длительному тюремному заключению, и, хотя король и помиловал их спустя пять лет, карьера Сомерсета была закончена навсегда.

Унижение, которое пришлось испытать Донну, считавшемуся после публикации «Эпиталамы» клиентом и клеветником Сомерсета, явилось последней каплей, переполнившей чашу. В самый разгар скандала, в январе 1615 г., Донн добровольно принял сан.

Творческий итог тринадцати лет, прошедших со времени бракосочетания Донна до его посвящения в сан — лет, исполненных мучительной борьбы за существование, — был, несмотря на тяготы этого периода, весьма значителен. Донн создал в этот период наиболее зрелые в идейном и художественном отношении стихотворения из сборника «Песен и сонетов». В них глубина мысли гармонически сочетается с искренностью и неподдельностью чувства. Он создал также большую часть «Духовных стихотворений», в том числе почти все «Священные сонеты», представляющие собой живое свидетельство его душевной агонии, обе «Годовщины», а также три трактата. Фактически с момента принятия сана муза Донна смолкла; несколько последних стихотворений, написанных в 1623 г., еще сохраняют мощь былых времен, но это была уже лебединая песнь великого поэта.

В 1617 г. умерла в родах Анна. После этой потери Донн отказался от всякой личной жизни и ушел с головой в свою деятельность проповедника. Он трудился как одержимый, не щадя себя и не зная отдыха и сна, — сочинял проповеди, множество раз переписывал их, доводя до совершенства стиль. Читал он проповеди в соборе святого Павла, в королевском дворце, в университетах, в Линкольнс Инн и за короткий срок приобрел славу самого выдающегося проповедника Англии. Его проповеди, несомненно, представляют собой замечательные образцы ораторской прозы. В них ясно проступают элементы «метафизической»

образной системы, присущей «Песням и сонетам». Джон Донн, вынужденный отречься от прошлого и променять поэзию на религию, все же не мог переделать свою натуру. Поэт в нем отчаянно спорил с проповедником. В этом, очевидно, и заключалась притягательная сила его ораторского искусства, приводившего в восхищение современников, для которых посещение церкви было весьма важным фактором культурной жизни.

В 1619 г. Донн в качестве капеллана сопровождал Джеймса Хея, теперь ставшего виконтом Донкастером, в поездке в Германию с дипломатической «миссией замирения» ко двору зятя короля курфюрста Фридриха V Пфальцского, одного из главных действующих лиц общеевропейского конфликта, перераставшего в Тридцатилетнюю войну.

1621 год принес Донну повышение — он был избран настоятелем собора святого Павла в Лондоне.

Ранней весной 1631 г., почувствовав приближение смерти, он попросил найти и пригласить к нему художника, резчика по дереву. Когда художник прибыл, Донн разделся донага, завернулся в саван и, став лицом к востоку, позировал художнику, который на деревянной доске вырезал его изображение для будущего надгробного изваяния в соборе святого Павла. В этой великолепной барочной сцене причудливо сочетались чисто ренессансное отвращение Донна к смерти с болезненным любопытством к ней и сублимированное честолюбие, которое было насильственно заторможено последние тринадцать лет, с аффектированным христианским смирением, которое паче гордыни. Этот *danse macabre* явился как бы аллегорией духовного мира Донна, являвшего собой сплошной клубок противоречий.

Донн умер 31 марта 1631 г. 59 лет от роду и был погребен в соборе святого Павла.

Выше говорилось о том, что залогом правильного понимания уроков творчества писателя является глубокое и всестороннее изучение «питавшей» это творчество общественно-исторической среды во всех ее многочисленных, разнообразных и противоречивых аспектах. Справедливость этого общего положения совершенно очевидна на частном примере творчества Донна, так как важнейшие вехи его жизненного и творческого пути явились в то же время и важнейшими вехами в истории его страны. Донн был не только великим поэтом, но и, бесспорно, заметной общественной и политической фигурой, занимавшей промежуточное положение между двумя главными силами английского общества

в предреволюционный период — феодальным дворянством и буржуазией.

На протяжении всей настоящей работы факты жизни и творчества Донна сопоставляются с фактами жизни и творчества Шекспира. Этим я отнюдь не пытаюсь постулировать наличие какой-либо зависимости между двумя великими поэтами-современниками или влияния одного из них на другого. Такая зависимость возможна; более того, интуитивно мне она кажется несомненной, но она не может быть доказана эмпирическим путем, ибо фактов, которые документально бы ее подтвердили, нет. В письмах Донна есть только одно явное свидетельство его знакомства с драматургией Шекспира: в письме к Уоттону, датированном 1600 г., он упоминает о споре между Петруччо и Катариной из пятой сцены четвертого акта «Укрощения строптивой»²⁴. Постоянные сопоставления с Шекспиром мне представляются уместными и необходимыми для того, чтобы сделать более понятными те или иные стороны творчества Донна, которые, как уже упоминалось выше, до сих пор практически неизвестны советскому читателю.

Все стихотворения Джона Донна приводятся на основе издания “The Poems of John Donne. Ed. H.F.C.Grierson”. 2 vols. Oxford, 1912. Подстрочный перевод стихотворений Донна и других поэтов-«метафизиков» принадлежит автору настоящей работы.

Приложение I к настоящей работе представляет собой хронологический перечень важнейших событий в жизни и творчестве Донна. *Приложение II* содержит полный канон поэтических произведений Донна.

Нашим современникам теперь трудно понять, как воспринимали это заклинание мира и благоденствия зрители, заполнявшие лондонские театры в начале 1590-х годов. Никому из них, даже очень пожилым людям, не могли быть, конечно, памятны кровавые распри баронов прошлого века и воцарение Генриха VII Тюдора, деда их королевы Елизаветы, положившее конец войнам Роз. Шекспир, которому в ту пору не было еще тридцати лет, сочинял пьесы для своих сверстников. Почему их волновали дела столь давно минувших дней? Быть может, и дерзкие подмастерья, стоявшие в пыли и под дождем долгие часы в «партере» публичных театров, и учащиеся юридических школ, и светские модники, сидевшие прямо на сценической площадке и бесившие актеров своими репликами, были любителями острых ощущений и собирались, чтобы смаковать чудовищные злодеяния горбатого Ричарда? Не напрашивается ли аналогия между елизаветинской драмой и современным «остросюжетным детективом»? Но елизаветинская драма была не только и не просто общедоступным и дешевым развлечением для всего народа. По тем временам она была поистине массовым средством информации. Люди вглядывались в это волшебное «зеркало лицедейства» и ждали от него ответов на свои вопросы о смысле происходящего вокруг. Вопрос о том, вернется ли ужасное былое, что будет завтра — мир или война, стабильность или хаос, — был самым важным.

2

Специфическими чертами, отличавшими абсолютизм Тюдоров и Стюартов от классического французского абсолютизма XVII—XVIII вв., были отсутствие постоянной армии и значительное влияние местных органов управления при известной слабости центрального бюрократического аппарата². Отсутствие армии объяснялось островным положением Англии и компенсировалось наличием сильного флота под командованием Фробишера, Дрейка, Рэли и других «джентльменов-пиратов». Для внутривнутриполитических акций использовались отряды ополчения, которые поставляло каждое графство. Агентура, созданная Френсисом Уолсингемом, занималась разведкой в католических странах, выслеживала посылаемых в Англию отцов-иезуитов и преследовала вольнодумцев и атеистов. Что касается местных властей, мировых судей и шерифов, то они хотя и были слугами королевы, но жили в своих поместьях на собственные доходы и материально от нее не зависели³.

Относительная прочность режима была обусловлена временным равновесием главных классовых сил — буржуазии, нового дворянства и старой знати. Буржуазия (суконщики, купцы, ростовщики, богатые ремесленники) нуждались в сильной королевской власти, так как опасались внутренних раздоров, угрожавших развитию промышленности и торговли. Новое дворянство сплошь состояло из креатур Генриха VIII и Елизаветы. Наконец, старая родовая знать, поредевшая во время войн между Ланкастерами и Йорками и в начале реформации, уже не могла противостоять монархии. Между тем все они — как буржуазия, так и новая и старая знать — видели в монархии щит против тысяч людей, которых огораживания превратили в «бездомных, нагих горемык». Люди эти бродили по дорогам страны, скапливались в Лондоне и представляли серьезную опасность для «общественного порядка».

В свою очередь экономическое могущество буржуазии и новой знати, по преимуществу выходцев из буржуазной верхушки и средних дворян, вынуждало Елизавету искать их поддержки, хотя и ей, и ее наиболее дальновидным сановникам из Тайного Совета было ясно, что верноподданные начинают тяготиться королевской опекой. Елизавета, наделенная качествами незаурядного государственного деятеля, знакомая с новейшими теориями общественного устройства, в том числе, по-видимому, с учением Макиавелли⁴, умело лавировала в этой сложной обстановке, выступая в роли посредницы между соперничающими сторонами⁵.

3

В сатире IV, написанной, по всей вероятности, весной или летом 1597 г.⁶, Донн обрушивает свои сарказмы на двор. Он погружается в экстаз, подобный тому, какой некогда обуял Данте, и попадает в некое чистилище, по сравнению с которым «вселяющий ужас ад — веселое развлечение». Люди, которых он здесь встречает, — хуже дантовских грешников. Они «склонны ко всякому злу, неблагодарны, чванны, похотливы, тщеславны, безмозглы, лживы и обременены долгами». Источником Донну послужила сатира Горация *Ibam forte via Sacra*⁷, но благодушная ирония римского поэта по адресу назойливого болтуна, пытающегося втереться в доверие к Меценату, превращается у Джона Донна в запальчивую, дышащую искренним возмущением инвективу против ближайшего окружения королевы. Эта характеристика придворных, набросанная по первым и све-

жим впечатлениям двадцатипятилетним поэтом, была, впрочем, довольно меткой. Низкие страсти, бушевавшие в сердцах, материализовались здесь в виде явных и тайных интриг, которые искусно умиротворяла и вновь разжигала сама королева. Собеседником поэта оказывается один из тех придворных, которые знают, когда королева хмурится, когда улыбается и что тонкий политик может извлечь для себя из этих знаков; знает, кто у кого в фаворе и кто пускает в ход яд, чтобы поскорее завладеть должностью при дворе.

«Главная черта ее царствования, — писал современник, близкий ко двору Елизаветы, — выражается в том, что она правит посредством группировок и партий (by fraction and parties), которые сама же создает, возвышает и ослабляет, как то подскажет ей державное ее разумение»⁸.

В этой борьбе за место у трона, титулы, доходные должности, земли и т. п. основными соперничающими «партиями» были аристократы крови, отпрыски древних феодальных родов, с одной стороны, и новая знать, с другой. Вождем аристократов вначале был Томас Хауэрд, герцог Норфолькский, чьи владения давали больше доходов, чем все Шотландское королевство. Елизавета соблюдала по отношению к Норфольку крайнюю осторожность вплоть до 1569 года, когда он решил поддержать претензии Марии Стюарт на английский престол, жениться на ней и захватить власть в свои руки. Однако заговор был раскрыт, а Норфольк отправлен в Тауэр. Его сторонники в северных графствах, рассчитывая на вооруженную помощь Испании, подняли восстание под лозунгом возврата к католической вере, но оно было жестоко подавлено. При дворе феодальную группировку возглавили двоюродные братья Норфолька граф Сассекс и граф Оксфорд. Свои дальнейшие планы, направленные на свержение «незаконной», т. е. не признанной римским папой королевы, ее противники по-прежнему связывали с ожидаемой помощью Филиппа II⁹.

Хотя аристократам был нанесен сокрушительный удар, в намерения Елизаветы, тем не менее, отнюдь не входило их полное унижение. Напротив, они должны были, как и прежде, занимать «отведенную им Богом и естественным законом» ступень во вселенской иерархии, вслед за самой королевой. Выпадение этой ступени угрожало всему строению. Однако, помимо символической роли, им предназначалась и вполне реальная роль — противостоять натиску наиболее энергичных и дерзких из новых дворян и буржуазных нуворишей. В конфликте между графом Оксфордом

и своим любимцем Филиппом Сидни, не принадлежавшим к родовой знати, Елизавета приняла сторону первого и напомнила Сидни о «разнице в положении между графом и джентльменом». Сидни отпарировал, сославшись на то, что Генрих VIII позволял джентри без страха припадать к его стопам, когда они искали управу на притеснявших их грандов. Он считал разумным «при помощи сильных числом держать в повиновении сильных властью. Дабы те, кто непомерно возрос, не объединились друг с другом, не возжелали большего и не возомнили себя, подобно падшим ангелам, равными создателю»¹⁰.

Однако, несмотря на все старания королевы сохранить равновесие сил, новая знать быстро оттесняла старую. Новые дворяне действительно были «сильны числом», так как фактически «джентльменом мог назваться всякий, кто имел возможность жить, не занимаясь трудом, и купить дворянские звание и герб»¹¹. Но дело было не только в этом. «Новые люди», которых приблизили Тюдоры, превосходили аристократов и умом, и умением приспособляться к меняющимся экономическим условиям. Томас Мор, лорд-канцлер Генриха VIII, вся интеллектуальная элита, окружавшая Елизавету и державшая в своих руках бразды правления страной — лорд Берли и его сын Роберт Сесиль, отец и сын Бэконы, Сидни, Рэли, Уолсингем, — были «новыми людьми». Поэт и воин Сидни, правда, не занимал государственных постов, но его верные политические прогнозы приводили в восхищение современников¹².

Земельные угодья старой знати были велики, но львиная доля доходов от них миновала их владельцев. Воспитанные в духе средневековых представлений о рыцарской доблести, пэры-аристократы сами хозяйства не вели, а сдавали землю в долгосрочную аренду джентри и богатым йоменам, которые выплачивали им фиксированную ренту. Между тем в результате «порчи денег» при Генрихе VIII, притока золота и серебра из Нового Света, увеличения прослойки людей, насильственно лишенных земли, частых неурожаев и других причин цены на практически все необходимые товары выросли в течение второй половины XVI века на 200—300%¹³. Размер же ренты оставался неизменным. Знать, обремененная расходами на «роскошные одежды, непрерывное следование за капризной и дорогой модой, представительство, связанное с несением важных государственных должностей, ...кормление челяди и прихлебателей, приемы, которые нужно было устраивать для королевы, и подарки, которые ей нужно было

делать»¹⁴, быстро впадала в оскудение и все больше зависела от подачек короны. Однако перейти к новым методам хозяйствования пэры не умели и не могли. Когда лорд Кобем вызвал эксперта, чтобы тот разобрался в его денежных делах, эксперт сказал лорду, что арендаторы надувают и обкрадывают его без зазрения совести... Когда граф Дарби сделал то же самое, итог оказался еще более удручающим. Один арендатор... платил графу 2 фунта ренты, а сам сдавал ту же землю в аренду за 70 фунтов. Если некоторые из лордов были некомпетентны, то другие просто старомодны. Цены подскочили втрое за полвека, а лорд Дарси мог еще самодовольно хвалиться: «Я живу, как до меня жил отец, на старую ренту со своей земли»¹⁵. Среди аристократов нашлись пять-восемь фамилий, пытавшихся идти в ногу со временем — овцевод лорд Спенсер, владелец угольных шахт герцог Нортумберленд и другие¹⁶, но заключение лишь подтверждало правило.

4

Энергия «новых людей», казалось, не знала предела. Она была способна разрушить любые преграды и выдержать любые испытания, в какую бы форму они ни облекались. Это мятежи родовой знати, иноземные вторжения, религиозные догматы, когда они перестали соответствовать новым представлениям о назначении духовенства, «великая иерархия бытия», поскольку в ней «новые люди» занимали слишком низкую ступень, законы и нормы морали, если они мешали достижению главной цели «новых людей» — личному возвышению и обогащению. Названия оставались прежние — вера, закон, долг, любовь, добро и зло, суть менялась. Еще в 1550 г. видный проповедник Томас Бекон противопоставлял «нашего новоиспеченного джентльмена» «джентльменам истинным», которые пекутся о том, как «облагодетельствовать многих, принести пользу стране, призреть неимущих, облегчить участь беззащитных, укрепить слабых духом, поддержать в нужде своих поселян». Железная хватка и снобизм джентри вызывали у него негодование: «Они таковы, как сказано в известной поговорке:

Чем мой кошель дородней,
Тем сам я благородней.

Они думают, что все благородство состоит в обилии мирских благ... О да, они готовы все смести на своем пути, как они говорят, дабы сохранить и умножить свое подлое благородство. Им все равно, как заполучить его, лишь бы иметь его... Покупая землю

и сдавая ее снова в аренду бедняку, они выжимают у него грабительскую ренту — взамен пенни почти целый фунт! О да, и некоторые из них, купив дом и землю в городе, нарочно превращают дома в развалины, землю — в пастбища, а бедняков лишают крова»¹⁷.

Разумеется, было бы наивно считать, что «новые люди» представляли собой некое монолитное целое, что все они мыслили и поступали одинаково. Безудержная энергия этих отнюдь не буржуазно ограниченных основателей современного господства буржуазии не только искала выхода в накопительстве, но и открывала для себя иные сферы — ратное дело, политику, науку, искусство, тем более что все эти сферы были теснейшим образом переплетены между собой. Смещение интересов часто происходило при смене поколений. Имя Уильяма Герберта, графа Пемброка известно до сих пор потому, что Хеминг и Кондел посвятили ему фолио 1623 г. и в посвящении назвали его покровителем Шекспира. Между тем в начале 1540-х годов в родовом графском имении на земле секуляризованного Уилтонского аббатства (там, где в 1580 г. Сидни написал свою «Аркадию») вспыхнуло восстание крестьян, которых первый из Пемброков довел до отчаяния своими вымогательствами. Предки Уолтера Рэли, вольнодумца, мореплавателя и поэта, и Фулка Гревилля, друга Сидни и Джордано Бруно, весьма беззастенчиво захватывали и огораживали чужие земли¹⁸. Отец Донна, Джон Донн старший, занимаясь поставками угля, присвоил часть товара, и возмущенные заказчики привлекли его к суду, на котором вскрылось, что подобные махинации почтенный и богатый купец практикует не впервые. Еще более неприглядно он поступил со своим тестем Джоном Хейвудом, известным автором интерлюдий и ревностным католиком, который в 1564 г. эмигрировал во Францию, не желая признавать «Акт о верховенстве» Елизаветы. Перед отъездом он доверил зятю получать всю ренту со своих владений, с тем, чтобы тот высылал ему деньги на содержание. Однако денег Джон Хейвуд не дождался и, дойдя до крайности, вынужден был обратиться с жалобой к самому лорду Берли, после чего, наконец, получил 50 фунтов¹⁹. В той среде зажиточных торговцев и дельцов, к которой принадлежал отец Донна, его «новая мораль», по-видимому, не встречала осуждения, так как его престиж и влияние непрерывно росли²⁰. Вероятно и то, что первые истоки духовного кризиса, который Донн испытал в юности, следует искать в нравственной атмосфере отчего дома.

Сидни являл собой идеальный тип «совершенного джентльмена», как бы сошедшего в плоти со страниц знаменитой «Книги о придворном» Кастильоне. Елизавета ценила в нем счастливое сочетание «зоркости придворного, речи ученого и силы военного»²¹. Его героическая и безрассудная гибель в сражении с испанцами при Зютфене в Нидерландах в 1586 г. была романтически эффектной — он снял доспехи, чтобы лишиться себя преимущества по сравнению с противником, и был смертельно ранен. Также как и его выступление, случившееся пятью годами ранее, в блестящем турнире при дворе в образе странствующего рыцаря, безуспешно осаждающего Замок Совершенной Красоты, т. е. самой королевы. Хотя этот образ в его время уже стал анахронизмом, Сидни оставался в нем всю жизнь, и это была не снобистская поза, а тоска по легендарному прошлому с сильной примесью отвращения к «новой морали».

Необычно распорядился отцовским наследством один из наиболее влиятельных представителей новой знати при дворе Френсис Рассел, второй граф Бедфорд. Он так щедро покровительствовал поэтам, художникам и музыкантам, что навлек на себя немилость Елизаветы. Она обвинила его в том, что он «плодит попрошайек»²². Рассел был свекром графини Люси Бедфорд, которую воспевали такие знаменитые ее «клиенты», как Сэмюэль Дэниел, Майкл Дрейтон, Бен Джонсон. Джон Флорио посвятил ей свой перевод «Опытов» Монтеня (1603). В адресованных ей Джоном Донном стихотворных посланиях и стихотворениях «Туикнемский сад» и «Всеношное бдение в канун святой Люции» сквозит более глубокое чувство, чем подобает поэту, прославляющему добродетели своей патронессы.

Тем, у кого не было ренты, приходилось одновременно заниматься совершенно разными видами деятельности, которые по нашим современным понятиям, весьма трудно совместить. Шекспир, например, не только писал пьесы, но и проявлял недоужинные способности к коммерции. В 1605 г. он перекупил десятинные земли в стратфордской округе, которые должны были давать ему 9% годовых на вложенный капитал²³. Из этого факта нельзя, разумеется, сделать вывод, что Шекспир был охвачен предпринимательским азартом в духе времени. Однако в Стратфорде у него была семья — жена и две дочери, расходы требовались немалые, и он, высоко ценивший материальную и духовную независимость, не упустил возможности заключить выгодную сделку. Сходным же мотивом стремления к независимости можно, по-видимому,

в какой-то мере объяснить поведение Бэкона в ту пору, когда он занимал высшие государственные посты. Обвиненный во взяточничестве комитетом нижней палаты парламента, он писал королю Якову: «Было время, когда я приносил вам стон голубицы от других, теперь я приношу его от себя. Я не был корыстолюбивым притеснителем народа. Я не был высокомерным и нетерпимым в своих разговорах или обращении; я не унаследовал от своего отца ненависти и родился хорошим патриотом... Что же касается подкупов и даров, в которых меня обвиняют, то, когда откроется книга моего сердца, я надеюсь, там не найдут мутного фонтана испорченного сердца, растленного обычаем брать вознаграждения, чтобы обмануть правосудие; тем не менее я могу быть нравственно неустойчивым и разделять злоупотребления времени»²⁴. Искренность Бэкона, написавшего это письма в трудную минуту, не вызывает сомнения, но, конечно, каковы бы ни были его мотивы, он преступил грань, которую позволяют закон и совесть.

5

Новое дворянство было тесно связано с буржуазией, но в этом союзе дворяне играли ведущую роль благодаря своей близости ко двору. Та небольшая группа «новых людей», которая стояла у трона, представляла собой, подобно соперничавшей с ней старой знатью, своего рода замкнутый клан. Доступ в этот круг избранных обычно открывали протекция или узы родства. Всесильный фаворит Елизаветы Роберт Дадли, граф Лестер, возглавлявший эту группировку до самой своей смерти (1588), рекомендовал королеве Сидни, Эссекса, а также, по всей вероятности, и Рэли. Сидни был племянником Лестера. В своих сонетах он воспевал под именем Стеллы Пенелопу Девре, сестру Эссекса, и одно время намеревался предложить ей руку и сердце, но, в конце концов, женился на дочери Уолсингема, которая после смерти Сидни ваша замуж за графа Эссекса. Эссекс был пасынком Лестера и состоял в родстве с Фулком Гревиллем. Лорд-хранитель большой печати Николас Бэкон умер, когда его сыну Френсису едва исполнилось восемнадцать лет, и поэтому дальнейшие заботы о карьере юноши взял на себя муж его тетки лорд Берли²⁵. Незадолго до своей смерти Берли убедил королеву сделать государственным секретарем его сына Роберта Сесилия и т. д.

Вместе с тем, несмотря на ярко выраженное тяготение к «клановой» обособленности, «новые люди» были в достаточной

мере реалистами, свободными от спеси и предрассудков, свойственных аристократам крови. В противоположность испанцам и французам, английские дворяне, исключая пэров, заседавших в палате лордов, придерживались обычая определять своих младших сыновей «в дело». Дворянин не стыдился того, что один из его сыновей занят коммерцией, другой — в семейном церковном приходе, а третий, быть может, — в Судебном подворье. Этим отчасти объяснялось пестрое разнообразие форм предпринимательства, которым занималось подавляющее большинство «новых людей». «При Тюдорах, Стюартах и при первых Ганноверах удачливые юристы составляли значительную часть «новых людей»... Число английских графских фамилий, основателями которых были юристы, превышает даже число тех, которые имели предками сукноделов. Процесс начался в средние века: благосостояние норфолькских Пастонов было заложено одним из судей Генриха VI; еще шире была открыта дорога перед законодателями при Генрихе VIII и при его детях — во времена волнений, тяжб и хищничества; в эти времена законоведы с авантюристическим складом характера имели исключительные возможности служить правительству и получать весьма высокое вознаграждение, в особенности когда, как при Бэконах и Сесиях, закон сочетался с угодничеством и политикой... Сквайр, юрист, купец и йомен имели много общего между собой. Все они были людьми нового времени, которых не прельщали феодальные идеалы, теперь уже исчезающие»²⁶. Как многие молодые люди его социального положения, Донн изучал право в юридической корпорации. Дальнейшая его карьера также начала развиваться по тогдашнему стереотипу: участие в военных экспедициях, должность секретаря у лорда-хранителя печати Эджертона, которая досталась ему по протекции и сулила неплохие виды на будущее. Если бы судьба не распорядилась иначе, он мог бы, вероятно, со временем рассчитывать на какой-нибудь крупный государственный пост.

«Новые люди» не различали «высокие» и «низкие», «достойные» и «недостойные» занятия. Джентри и буржуазия брались решительно за все и «богатели благодаря самым разнообразным методам: одни спекулировали землей, другие торговали всем — от шерсти до кроликов включительно, третьи разводили крупный рогатый скот, четвертые вкладывали деньги в шахты, рудники и торговали зерном. Все они теснейшим образом были связаны с рынком, все они брали максимальную ренту со своих мелких фермеров, все они — «деловые люди». Железо, свинец, уголь,

ткачество, разведение кроликов — все их интересовало»²⁷. Огромные дивиденды приносило, как правило, участие на паях в организации каперских и колонизаторских экспедиций. Например, чтобы экипировать суда Фробишера и Дрейка, Лестер и члены его придворной «партии» на протяжении 70–80-х годов внесли значительную часть требуемых средств; остальное дали лондонские купцы. Сидни был горячим поборником и теоретиком каперства и стремился сам, по примеру Рэли, основать колонию где-нибудь в Виргинии или на Вест-Индских островах, но не получил разрешения королевы. Он выдвигал четыре довода в пользу «необъявленных военных действий» против Испании: военачальникам они приносят славу и богатство; духовному сословию — тысячи язычников, которых следует обратить в христианство или отвратить от «римского идолопоклонства»; «всем пытливым и любознательным — новые тайны природы, разгадка коих послужит ко всеобщему благу»; наконец, купцам и простому народу — плодородные и неистощенные земли²⁸. В финансировании таких экспедиций принимала участие и сама королева.

При Елизавете и первых Тюдорах разница между честной торговлей и пиратством была весьма условной, так как купец всегда был готов прибегнуть к услугам каперов, чтобы нанести удар конкурентам по рынкам сбыта, а капер начинал торговать, если основное занятие переставало приносить ему доход. Джон Хокинс положил начало английской работорговле. Он первый из джентльменов-пиратов доставил партии черных рабов из Западной Африки в Сан-Доминго, где выгодно продал ее испанским поселенцам, врагам англичан, для работы в рудниках и на плантациях. Отныне испанские поселенцы и английские торговцы «действовали совместно, стараясь ускользнуть от правительственных военных судов и таможенных чиновников»²⁹. Мощным стимулом развития торговли, в орбиту которой вовлекалось все больше и больше предприимчивых людей, явилась организация заморских кампаний — Восточной (Балтийской), Русской (Московской), Левантийской, Ост-Индской, Африканской и других. Некоторые из них уже существовали на акционерных началах (например, Ост-Индская и Африканская). Каждая компания имела определенную географическую зону действия, указанную ей королевской хартией. Компании враждовали между собой, и эта вражда отражала жестокую конкуренцию в среде буржуазии и джентри.

В течение четверти века не удавалось развернуть деятельность Виргинской компании на землях в Северной Америке, колони-